

В ЧИСЛЕ ДУРАКОВ

РАССКАЗ

Священник Алексей Лисняк

Проповедь о Рождественском посте дешевле всего под Новый год. Надвигается эта самая развеселая ночь, и, чем она ближе, тем усерднее отводят свой взгляд внимающие. Известное дело... И немало вспоминается анекдотов про большую новогоднюю голову.

А 2 января наступает «пора собирать камни». Это традиция. Для священника этот день совсем не праздничный.

Едем отпевать. Вот уже, кажется, четвертого. Семеныч грустит с кадиллом где-то в глубине ПАЗИКА, я — за водительской спиной. Автобус дробно скачет по дорожной наледи. Я знаю, к кому нас везут: это совсем молодой парень. Недавно, под праздники, мы с ним беседовали в храме. И о посте, конечно, рассуждали. Он приносил крестить, кажется, племянницу и всё недоумевал, как это можно...

— Что за умники придумали поститься в новогоднюю ночь?!

— Пусть дураки постятся, а я жизнь люблю. Напьюсь и погуляю!

За словом — слово, и он резонно вывел:

— Нет, пусть дураки постятся, а я жизнь люблю. Напьюсь и погуляю! Мне государство для этого выходные организовало.

Я честно отговаривал — сначала. Потом успокоился, бисера пожалел...

Тесный гроб устроен как раз под елкой. Над лицом покойника висит синяя стеклянная сосулька, рядом с ней болтается зайчик, выше — Дедушка Мороз с большим счастливым мешком. Какой-то остряк засветил гирлянды. Елка переливается, таинственно колыхается мишура. Обхожу с кадиллом скорбный новогодний подарок. Запах ели и мандаринов мешается с ароматом дорогого архиерейского ладана, что случился у меня под Рождество. Вот, почти уже и дотянули до Светлого Праздника. Весь «Заупокойный чин» скоро завершается в полной таинственной тиши. В заключение — короткая проповедь, в которой, разумеется, касаюсь и темы Рождественского поста, хотя его и осталось-то... всего четыре дня, что ли? У нас с Семенычем нынче назначен еще один похо-

жий визит. Торопимся. Обратно нас везут уже на легковушке.

В черной машине — хоть не топи — под зимним солнышком делается жарко. Парня, который нас везет, я тоже знаю: это брат покойника. Давно с ним знаком. Семеныч его держит в числе «наших». Это и понятно, ведь парень постится. Вот и сегодня головой не мается. Сетует на братово легкомыслие:

— Отпели вот нашего умника... — вздыхает.

Интересуюсь, отчего он усопшего величает умником, да еще и с подковыркой?

— А как же, — говорит, — его еще звать?! Самым умным себя в семье считал, ни разу никого не послушал. Да мы, признайся, и сами устали его вразумлять. Все ведь постимся, и отец с матерью, и я вот начал. А этот над нами только потешался. «Дураки, мол, и попы ваши — такие же. Напридумывали всякого — не продохнуть. Вот сами и поститесь-мучайтесь, раз такие глупые».

Водитель усмехается и умолкает.

После густой, тягучей паузы любопытствую, от чего его умный брат преставился. Он как будто

встрепенулся и поведал:

— Бог их теперь разберет. Он Новый год без нас, в компании отмечал, с умными тоже. Говорят, что всё, как обычно: раз бутылка, два бутылка, три, четыре, пять... А потом что уж случилось: кто — за нож, кто — за табурет, кто за вилы. Наш самым слабым оказался, хотя и успел двоих чем-то пырнуть. Теперь те двое в районе, в реанимации. А самый крепкий — напротив реанимации, через дорогу, на нарах. Ну, а наш вот, умный... Выносить скоро... Из-под елки...

Кажется странным, что брат не скорбит о своем убиенном сроднике. Впрочем, что же тут странного? «Наш ведь человек», знает, что у Бога все живые. Сам даже постится, чтобы перед Ним не умереть.

Над широким заснеженным полем плывет на солнце наш белый красавец-храм. Лебедь! Мы второем влипли в лобовое стекло, любуемся. Машин по дороге — ни одной. Известно, праздники.

Наш водитель грустно вздыхает: «Вот мы, дураки, и постимся до сих пор. А умного скоро закапывать...» Часто заморгал, отвернулся.

Вдоль обочины в белых кружевах березы. Сверкают на солнце, есенинские. Ночью напал рыхлый воздушный снежок, с утра слегка подморозило. Окрестная белизна искрится. Зимний день короток. Совсем скоро, к закату, небо изменится в цвете — залюбуешься. В крайнем палисаднике, на голый яблоне дремлет сова. После заката она встрепенется, расправит крылья и заскользит над синееющим полем. На носу Рождество. Через пару-тройку дней детвора станет ломиться во дворы, требовать конфет и денег. Теперь так колят.

Ну, а после Рождественской службы разговеемся — всему свой срок. Выпьем, конечно, чего там. Предвкушаю...

Эх, здорово!..

И нравится мне быть в числе дураков.

Священник Алексей Лисняк
«Сашина философия»
и другие рассказы

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА, ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В ПОТЕ ЛИЦА (ТЯЖКИМ ТРУДОМ). «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3,19) — сказано Богом Адаму, изгнанному из рая [1].

ВЕРНУТЬСЯ НА КРУГИ СВОЯ (возвращение к началу какого — либо жизненного этапа). «И возвращается ветер на круги свои» (Еккл. 1,6) (по церковнославянски — «на круги своя»).

ВНЕСТИ СВОЮ ЛЕПТУ (внести посильный вклад). Лепта — мелкая медная монета. По словам Иисуса, две лепты вдовы, положенные в храмовую жертвенницу, стоили гораздо больше богатых пожертвований, т.к. она отдала все, что имела (Марк. 12,41-44; Лук.21,1-4).

ВЫПИТЬ ЧАШУ ДО ДНА (претерпеть испытание до конца). «Воспряни, воспряни, восстань, Иерусалим, ты, который из руки Господа выпил чашу ярости Его, выпил до дна чашу опьянения, осушил» (Ис. 51,17).

ДА МИНУЕТ МЕНЯ ЧАША СИЯ. «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Матф. 26,39). Из молитвы Иисуса Христа в Гефсиманском саду накануне распятия.

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД. Из повествования о древе познания добра и зла, плоды которого Бог запретил срывать Адаму и Еве (Быт. 2,16-17).

ЗЛОБА ДНЯ (актуальная проблема данного времени). «Довольно для каждого дня своей заботы» (Матф. 6,34). По церковнославянски: «Довлеет дневи злоба его».

ИЩИТЕ И ОБРЯЩЕТЕ. В переводе с церковнославянского языка означает — «ищите и найдите» (Матф. 7,7; Лук. 11,9).

ЗАЧЕМ В ХРАМЕ НУЖЕН ПРИТВОР

Андрей Анисимов, заслуженный архитектор России, действительный член (академик) Академии архитектурного наследия, главный архитектор «Товарищества реставраторов».

Притвор в современном русском храме — это чаще всего, то место, где люди могут написать записки, оставить верхнюю одежду, где висит доска объявлений, место, где можно просто пообщаться. К сожалению, мы почти забыли, что на самом деле притвор в храме — это особое место. Притвор — образ земли, образ покаяния. Поэтому его чаще всего делали низким, с малым количеством окон. Это место, где может проходить исповедь, по древнему обряду там кладутся входные земные поклоны. Это место оставления земной жизни. Кроме всего сказанного есть еще одно: там находились оглашенные — те люди, которые только готовились принять крещение. Сейчас все это нивелировалось, как таковых оглашенных, которые ходили в храм по полгода, прежде чем креститься, у нас нет, все стало не так жестко. Но, к примеру, в греческих храмах притвор до сих пор играет важную роль. У них притвор — это часть храма, которая соизмерима с самим храмом. Например, на Афоне службы начинаются в притворе. Там читаются часы, затем отодвигаются завесы, открываются двери, и все — монахи и прихожане — входят в храм. Они оставляют все земное, «всякое житейское попечение» и тогда начинается Литургия. Хорошо бы и нам обратить внимание на греческие традиции и возродить свои.

4 самых популярных лекарства среди россиян

Мы живем в очень интересное время. Если провести оценку современных людей с точки зрения рейтинга продажи лекарственных средств — медикаментов аптечной сети, мы увидим четыре самых популярных препарата на сегодня.

Четвертое место среди всех медикаментов занимает всенародно любимый препарат Мезим. Если сильно «обожрался», прими Мезим, для желудка незаменим. И показывают сильно обожравшегося, который пляшет и поёт. Никто не говорит: не обжирайся, тогда не понадобится Мезим. Нет-нет, обжирайся обязательно, но Мезим прими, и нет проблем, съел и — порядок. Вообще нет проблем, никаких! Кроме одной проблемы, что желудок перестанет работать, и будешь Мезим покупать всю оставшуюся жизнь в аптеке на радость производителям Мезима. Собственно говоря, на этом основана современная фармакология: сделать человека зависимым от препарата. Иногда медикаменты нужны бывают. Но главный принцип медицины всегда был — не вреди. То есть курс лечения проведё, но чтобы потом человек не попал в зависимость. Когда проводили курсовое лечение, всегда врачи думали, как бы человек не попал в зависимость. А сейчас всё наоборот. Сейчас чем быстрее попадёт, тем лучше. Значит, четвертое место — 36 млн. долларов в год — продажа Мезима.

Третий всенародно любимый препарат — настойка боярышника. 38 млн. долларов в год. Весь мир столько боярышника не пьёт, сколько современная Россия. Потому что это любовь к фитотерапии, любовь к траволечению. Она генетически закреплена в

крови русского народа. У нас пьют боярышник упаковками, коробками, цистернами и канистрами.

Второе место занимает тоже очень популярный препарат Виагра (для повышения потенции). Очень хороший препарат. 2-3 приёма и пожизненная импотенция обеспечена на радость производителям Виагры.

Но это было бы полбеды. Первое место занимает активированный уголь, который стоит копейки. Чтобы угля съесть на 46 млн. долларов... это целый разрез угольный — Кузбасс или Донбасс.

Вот вам — образ современного россиянина. Интоксикация, импотенция, пьянство и желудочное несварение. И полная потеря радости жизни.

Священник Григорий Григорьев,
(из доклада на I Международном съезде православной молодежи)